

Школа и жизнь

В июле отец разослал членам Президиума ЦК записку «Об укреплении связи школы с жизнью», получив одобрение, передал ее на всенародное обсуждение. О том, что в советской школе учеников учат не так, выпускников готовят к чему угодно, но только не к ожидающим их за порогом школы реалиям жизни, заговорили сразу после смерти Сталина.

Советская школа, пройдя в тридцатые годы череду бесконечных новаций и реформаций, после войны, с подачи Сталина, отказалась от политехнизации и взяла за пример классическую дореволюционную гимназию. Попытались реанимировать даже преподавание латыни. Но в гимназии раньше принимали учеников с большим отбором и только из определенных сословий. Выпускники гимназий шли напрямую в университеты учиться на адвокатов, врачей, филологов и прочим гуманитарным профессиям.

К поступлению в инженерные учебные заведения, до революции их называли высшими техническими, готовили реальные училища. Туда попадали дети из семей попроще, но тоже далеко не все. Остальные же ограничивались в лучшем случае, как и мой отец, церковно-приходской школой, а в худшем – оставались неграмотными.

Теперь вся страна училась в «гимназиях», а не поступившие в вуз выпускники оказывались не у дел. Конечно, оставались еще ПТУ и ФЗУ (производственно-технические и фабрично-заводские училища), там юношей и девушек обучали рабочим профессиям, но ПТУ и ФЗУ считались заведениями второразрядными, предназначенными исключительно для неудачников. С реальными училищами ПТУ не имели ничего общего. В инженеры их выпускники выбивались редко, шли напрямик к станку.

Отца завалили тревожными письмами, записками, докладами. Писали учителя, писали академики. Все послания заканчивались одним: надо что-то предпринять. И он решил действовать. В 1957 году в пятидесяти школах в разных регионах Советского Союза, в порядке эксперимента, без потерь для «гимназических» дисциплин, начали прививать детям трудовые в жизни навыки. Чтобы не перегружать и так уже перегруженных школьников, сроки обучения продлили, где на год, а где и на два.

Теперь, согласно опубликованному в газетах проекту реформы, если не вдаваться в детали, предполагалось «советскую гимназию» преобразовать в нечто схожее с американской средней школой, сделать обучение не просто прикладным, а конкретно прикладным. Отец предлагал отказаться от обязательной десятилетки, ограничиться семи-восемилетним образованием, а в оставшиеся два-три года обучения совместить с трудом: в городах – на заводах, в деревнях – на полях и фермах, что должно помочь выпускнику выбрать будущую специальность. А не поступившая в вуз молодежь, освоив рабоче-крестьянские профессии, тоже окажется при деле.

Предложения отца звучали логично, но для большинства как школьников, так и их родителей, – неприемлемо. Никто не хотел вместо университета идти вкалывать на завод. Проведенные на производственной практике год, а то и два считали безвозвратно потерянными. Посылать своих отпрысков работать на заводы или стройки московский бомонд категорически отказывался, аргументируя свою позицию тем, что за два «потерянных» года даже прилежные ученики всё перезабудут, а юноши, достигнув призывного возраста, загремят в армию.

В глубинке реформу встретили без неприятия. В сельских школах ни «гимназический» стиль не прививали, ни «летнюю практику» на колхозных полях и собственных подворьях не отменяли. Армия «сельских детей» тоже не страшила, в армию в России всегда набирали из крестьян – и при Петре Первом, и при Николае Втором, и при Сталине, и при Хрущеве.

Всенародное обсуждение продолжалось более года, газеты публиковали замечания, предложения, поправки, часть из них принималась, какие-то отвергались, но саму реформу никто под сомнение не ставил. Но это официально. В московских кулуарах школьную реформу единодушно почли за блажь и на чем свет стоит честили отца. Благо теперь за это не сажали.

В декабре 1958 года Верховный Совет СССР принял закон «О реформе образования». Но Россия – не Америка, законы тут умеют обходить все. «Общество» реформу заволынило. Школа «не реформировалась», а чуть-чуть перекрасилась на бумаге. Выпускники столичных школ отсиживались по разным конторам, набирали необходимый «рабочий» стаж и собирали справки, позволявшие уклониться от призыва на военную службу, а набрав и насобирав, правдами и неправдами проскальзывали в высшие учебные заведения. После отставки отца все вернулось на круги своя.